

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ДЖАЙЛС
КРИСТИАН

ВИКИНГ
БОГ ВОЗМЕЗДИЯ

Москва
2017

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
К82

Giles Kristian
GOD OF VENGEANCE
Copyright © Giles Kristian 2014

Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете *Павла Трофимова*

Кристиан, Джайлс.
К82 **Викинг. Бог возмездия / Джайлс Кристиан ; [пер. с англ. В. А. Гольдича, И. А. Оганесовой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Исторический роман).**

ISBN 978-5-699-97050-6

Славен и любим богами ярл Харальд, многочисленны и могучи его воины, крепок и богат город... Но есть люди, которым не по нраву его сила. Один из них – сам конунг Горм, которому не нужны вассалы едва ли не могущественнее его. И вот однажды он столкнул лбами дружины двух соседей – Харальда и Рандвера, – пообещав первому свою помощь, но в решающий момент оставшись в стороне. Преданный им ярл со старшими сыновьями погибли, угодив в расставленную им ловушку, ибо конунг заранее вошел в сговор с Рандвером. Победителю отдали на поток и разграбление город Харальда, и спастись удалось лишь немногим. Одним из них был Сигурд, младший сын погибшего ярла. Потеряв отца и братьев, он пообещал богу Одину страшно отомстить клятвопреступнику Горму и его подручному. Отныне возмездие – смысл жизни молодого воина...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-97050-6

© Гольдич В., Оганесова И.,
перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

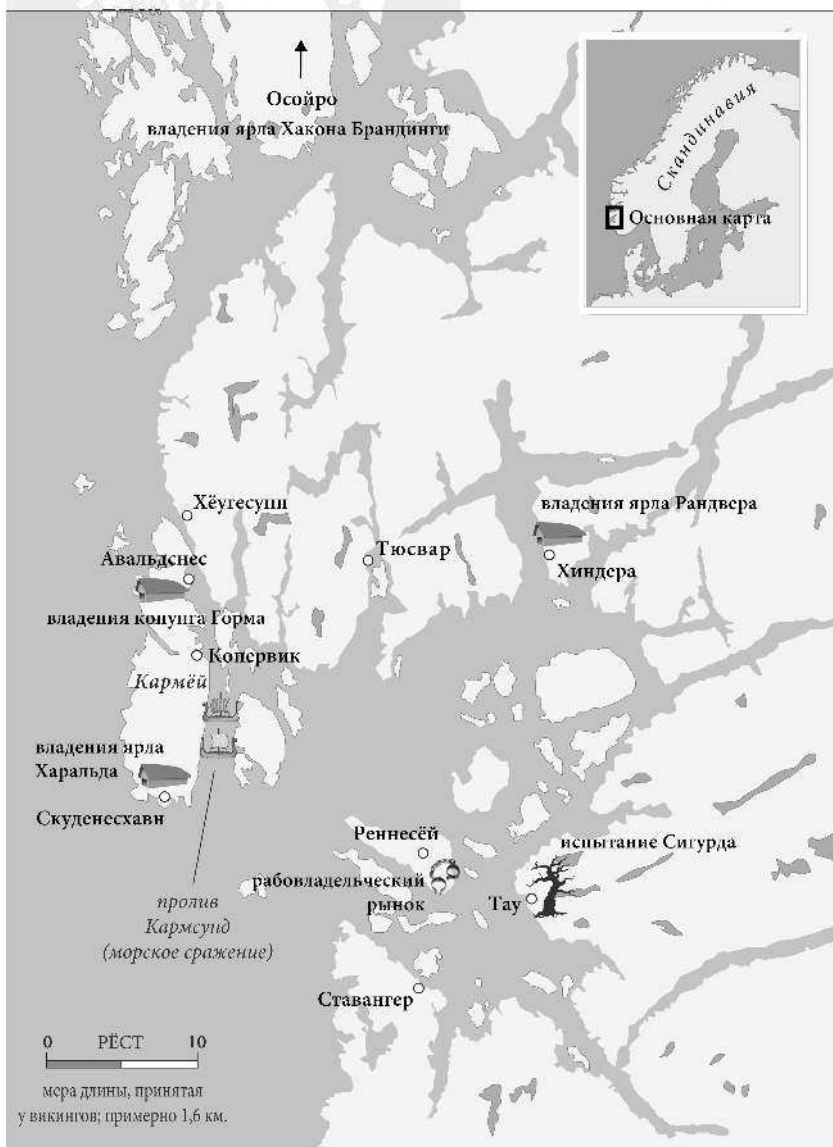
*Посвящается Филу,
Пьетро и Дрю,
вместе с которыми я греб на драккаре
Харальда Прекрасноволосого*

Я знаю, что буду висеть
На древе, колеблемом ветром,
Девять долгих ночей,
Пронзенный копьем,
Одина жертва себе самому;
На том древе висеть,
Чей корень могучий
Не узреть никому.

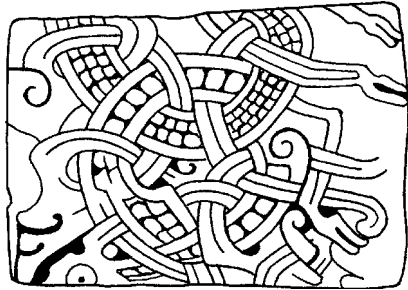
Рунная песнь Одина

МИР СИГУРДА ХАРАЛЬДАРСОНА, ЮГО-ЗАПАДНАЯ НОРВЕГИЯ, 785 ГОД Н.Э.

ПРОЛОГ

*775 год нашей эры
Авальдснес, Норвегия*

В лесу царила тишина, которую нарушали лишь мужчины, медленно и осторожно шагавшие по тропе. Они не делали резких движений — головы втянуты в мощные, как у волков, плечи, глаза полуприкрыты, чтобы их не выдали белки. И все же то и дело кто-то наступал на ветку, и та с треском ломалась; тут и там раздавался шорох сосновых иголок под ногами, — и тогда виновный безмолвно проклинал себя за неловкость, замирал, превращаясь в неподвижную скалу и пытаясь понять, не бросился ли самец лося спастись бегством.

По крайней мере, пока животное, шкуру которого пятнали золотистые крапинки утреннего солнца, пробивавшегося сквозь ветви деревьев, находилось против ветра и не подозревало об опасности.

От группы отделились охотники — двое мужчин и мальчик. Все трое держали в руках копья,

и то, что нес мальчик, было в полтора раза больше его самого, с таким толстым древком, что тот едва с ним справлялся. Впрочем, за целый день он ни разу не выпустил его из рук. К своим семи годам мальчик уже твердо знал, что в лесу, где можно встретить кабана, расставаться с копьём нельзя ни в коем случае. И уж, конечно, не когда рядом отец, а еще конунг; и не важно, как сильно побелели костяшки пальцев или как отчаянно они болят.

Наверное, им стоило подождать лучников и собак. Но правители нетерпеливы, и конунг, чья медного цвета борода топорщилась на ветру, повернулся, улыбнулся мальчику, приложив толстый палец к губам, и жестом показал его отцу, чтобы тот двинулся направо, вдоль края прогалины. Мальчик знал, что это огромная честь, и в его груди расцвела горячая гордость. Как только конунг соберется бросить копьё, лось это почувствует и побежит на восток. Вот тут-то ярл Харальд и поразит его метким броском.

Мальчик замер на месте, чувствуя, как сердце отчаянно колотится в груди, и от волнения внутри у него все сжимается. Он бы скорее умер, чем стал тем, кто сейчас испугает зверя и испортит охоту.

Думая о том, что самец великолепен, мальчик одновременно старался сохранять максимальную неподвижность, как учили его братья, медленно, едва слышно вдыхая сладковатый, насыщенный запах древесной коры, сосновой смолы и мха, заползшего на нижнюю часть стволов. В окружавшем его кустарнике шевелились тени, по древней звериной тропе неподалеку пробежало какое-то животное, далеко за спиной у них отражался от деревьев лай собак, но мальчик не спускал глаз с лося, надеясь одним взглядом удержать его на месте, как будто его глаза могли превратиться в Глейпнир, выкованную гномами цепь, которая пленила могучего волка Фенрира.

Затем, пряча руку за собственным телом, конунг знаком показал мальчику, стоявшему за ним, что тот должен бро-

силь первое копьё. Мальчик моргнул и с трудом сглотнул. Они вышли на охоту еще до рассвета, это была первая достойная дичь, которую им удалось встретить, — и вот ему оказана честь сделать первый бросок. К семи годам он твердо знал еще одно: когда человек, чью шею украшает торк толщиной с твоё запястье, велит бросить копьё, ты не имеешь права промахнуться. Мальчик каждый день тренировался с мечом и щитом, но не учился обращаться с копьём, таким толстым, что ему едва удавалось удерживать его в руках.

Мальчик кивнул конунгу, и тот коротко кивнул в ответ. Он хотел бы посмотреть, где находится его отец, но не мог позволить себе отвлечься от мыслей о лосе.

«Перед тем, как бросить копьё, мысленно представь, что оно летит прямо в цель, — говорил ему брат Сорли, которого, вне всякого сомнения, учил Зигмунд, а того — Торвард, как принято у братьев. — Ты должен увидеть, как копьё проходит сквозь плоть зверя и вонзается в его сердце. И только после того, как эта картина появится перед твоим мысленным взором, делай бросок».

И мальчик, выставив вперед одну ногу и приготовившись вложить в движение силу всех своих семи лет, представил, как острие пронзает сердце лося.

Однако самец, проживший на свете гораздо больше лет, чем мальчик, неожиданно пошевелился и принялся. Он был настоящим великаном, более семи футов, с громадной головой и рогами, расстояние между которыми превышало рост мальчика. Шерсть лося встала дыбом, он опустил великолепную голову и прижал уши. Мальчик находился совсем рядом — он мог даже разглядеть мух, вившихся около его морды, и услышать хруст, когда зубы лося вгрызались в жесткие растения.

Пора!

Мальчик сделал три быстрых шага, а на четвертом бросил копьё. Оно полетело по небольшой дуге и ударило в

правую заднюю ногу лося, но недостаточно сильно, чтобы пронзить плоть. Сохатый взревел, повернулся и помчался сквозь деревья в сторону отца мальчика.

Харальд издал оглушительный вопль, под стать реву лося, и бросил свое копьё; наконечник сверкнул в лучах солнца, точно вспыхнула молния, но каким-то непостижимым образом лось оказался невероятно быстрым для своих размеров — копьё ярла оставило алую полосу у него на шее и улетело в гущу деревьев.

— Задница Тора! — завопил Харальд, когда лось помчался прочь, не разбирая пути, ломая ветки и разбрасывая в стороны хвою, и скрылся в чаще леса.

Однако конунг, положив руки на колени и воткнув свое копьё в землю рядом, оглушительно хохотал, и его смех отражался от деревьев.

— Что тут смешного? — крикнул отец мальчика, чье лицо под золотистой бородой покраснело от ярости: он промахнулся, что было само по себе плохо, а теперь еще его хозяин смеялся над ним.

Продолжая хохотать, конунг выпрямился, подошел к мальчику и обнял его за плечи. Тот сразу же выпрямил спину и выпятил грудь, попытавшись за одно короткое мгновение стать старше на год.

— Твой мальчишка, Харальд! — сказал конунг. — Клянись богами, у него талант, он отлично бросает копьё. Можешь не сомневаться, гордый лось обделался, когда увидел лицо малыша Сигурда.

Мальчик не мог понять, смеется над ним правитель или хвалит, и попытался улыбнуться, но почувствовал, что у него ничего не получается. И тут его отец тоже рассмеялся, и громоподобный хохот двух мужчин напомнил мальчику грохот морского прибой.

— Не хотел бы я быть твоим врагом, малыш! — сказал конунг и с такой силой стукнул мальчика по плечу, что у того на мгновение помутилось в голове.

Однако он продолжал размышлять про самца лося и о том, что не сумел его убить. И в конце концов дал себе слово, что в следующий раз пронзит копьём плоть зверя. В следующий раз он будет сильнее.

— Не знаю, как ты, Харальд, но меня мучает жажда, — заявил конунг, вытаскивая копьё из земли.

— Я постоянно страдаю от жажды, — ответил ярл, когда под оглушительный лай собак, почувствовавших запах лося, к ним начали подходить остальные члены отряда, старавшиеся поскорее оказаться рядом со своими лордами.

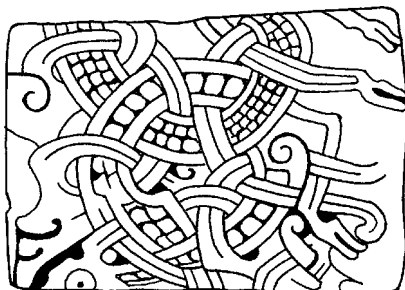
Сигурд поднял копьё, и Харальд показал на его накопечник.

— Видишь кровь, малыш? — спросил он. — Это был хороший бросок. Лучше моего.

После этого они повернули на север, чтобы вернуться в дом конунга Горма, где их ждала медовуха.

И теперь копьё больше не казалось мальчику таким тяжёлым, как прежде.

*785 год нашей эры
Скуденесхавн, Норвегия*

Ярл пробежался пальцами по хрящикам и белым костям, лежавшим на тарелке перед ним, потом поднял блестящую от жира руку к кольцам из переплетенного серебра, украшавшим его левое предплечье, и втер жир в кожу под металлом. В его бороде начала расцветать улыбка, которая стала еще шире, когда одно из колец сдвинулось настолько, что он сумел подсунуть толстый указательный палец под головы осклизшихся зверей, около года или даже больше замыкавших круг.

— Это тому, кто сумеет сбить Улафа с ног! — проревел он, стащил кольцо с руки, поднял его вверх — от него отразился мерцающий свет масляных ламп — и со стуком положил рядом со своей деревянной тарелкой. В ответ раздался оглушительный грохот ладоней по сосновым доскам стола.

— Пора нам обновить истории Хагала. Он вот уже несколько лет рассказывает нам одно и то же — и думает, что, просто изменив имена, может нас дурачить!

Все, кроме Хагала Песнь Ворона, который стал малиновым под своей аккуратной бородой и принялся не слишком рьяно защищаться, дружно рассмеялись.

— Он думает, мы не понимаем, что он раз за разом преподносит нам одни и те же объедки, — проревел Харальд, и огромная серебряная брошь у него на правом плече, удерживавшая плащ, сверкнула в свете факелов. — Но вот чего он не знает, так это что когда он пердит ртом, мы мирно спим.

Собравшиеся за столом поддержали его дружными криками и принялись стучать ладонями по скамье, а бедный скальд ударил по воздуху рукой и поднес к губам рог.

— Постарайся не сломать кому-нибудь шею, Улаф! — предупредил его Харальд, подняв вверх блестящий от жира палец и нахмурив брови.

Не поворачиваясь, чтобы посмотреть, готов ли кто-то бросить вызов — потому что таковые всегда имелись, — Улаф пожал широкими плечами и встал со скамьи, стряхивая крошки хлеба с рубахи, туго обтянувшей похожую на бочку грудь. Затем поднес рог с вином к толстым губам и осушил его до дна под громкие вопли и громоподобный стук ладоней по столу, от которого содрогнулись деревянные стены жилища ярла.

— Не спеши, Улаф! Тебе придется много лет жить с унижением, которое тебя сейчас ждет, — сказал Сорли, ухмыляясь друзьям, которые подняли рога с медом, приветствуя его похвальбу.

Мужчины и женщины сбились в дальних углах; собаки принялись рычать, сражаясь за объедки.

— Ха! — вскричал Улаф, перевернул рог над головой, показывая, что тот пуст, и тут же швырнул его темноволосой рабыне, которая, явно проделывая этот трюк не один раз, ловко его поймала.

— Очень скоро твоими друзьями станут мыши и собаки, старик, — сказал Сорли, который принялся разбрасывать ногой свежий камыш на полу и чуть не потерял равновесия. — Запомни, что сейчас произойдет, Песнь Ворона! — крикнул он скальду, скривившему губы.

Сигурд поднес собственный рог к губам и пробормотал в него проклятье. Его друг Свейн, сидевший рядом, молча покачал головой, и его толстые рыжие косы разлетелись в стороны, точно веревки на парусах.

— Твой брат спятил, — заявил он и ухмыльнулся. — Но мы отлично повеселимся.

Сигурд неохотно кивнул. У него было совсем неподходящее настроение для шуток, и все вокруг это знали. Однако он останется и будет смотреть, как его старший брат начнет выкрикивать похвалы, частенько наполнявшие зал, точно пар от дыхания — небо.

— Тебе следует отвернуться, мальчик, — рявкнул Сорли, обращаясь к Хареку, который выделялся среди седых, громко вопящих мужчин своим безбородым лицом, но еще больше волосами, белыми, словно пена эля и гладкими, как у девушки. — Я не хочу, чтобы ты видел, как твой старший отец плюхнется на задницу на глазах у своих друзей.

Сорли нахмурился и запустил руку в густые, золотого цвета волосы, из-за которых, когда он распускал их, как сейчас, его называли Бальдр — все мужчины и женщины считали, будто он похож на самого красивого из богов. Однако Бальдр, сын Одина, славился еще и мудростью, и тут, по мнению Сигурда, сходство между ними заканчивалось.

Харек вместо того, чтобы отвернуться, кивнул и, мягко улыбнувшись, взглянул на мать, которая держала на руках его новорожденного брата; и из одеяла, точно пучки травы, торчали белые, как у самого Харека, волосы. Их мать закатила глаза, покачала головой и снова стала что-то шептать на ухо маленькому Эрику.

— Я готов, мальчик, — сказал Улаф, расталкивая мужчин, собравшихся в центре медового зала, чтобы понаблюдать за схваткой. — И никаких слез, на тебя смотрят твой отец и братья.

Улаф подмигнул Сигурду, и тот, не удержавшись, улыбнулся самому близкому другу своего отца, его брату по оружию.

«Как странно, — подумал Сигурд, забираясь на скамью, чтобы лучше все видеть, — я хочу, чтобы Улаф уложил хвастуна Сорли на тростник на полу — и одновременно, чтобы брат показал себя с лучшей стороны, может, даже удивил всех, победив Улафа».

— Не опозорь нас, братишка, — выкрикнул Торвард, подняв рог с медом, однако его волчья ухмылка не смогла скрыть серьезности слов.

Будучи старшим из братьев, Торвард относился к семейной чести гораздо серьезнее, чем любой из них, разве что за исключением отца, и Сигурд не сомневался, что, если Улаф одержит слишком быструю и легкую победу, Торвард посчитает, что его долг — бросить Улафу вызов, дабы спасти остатки семейной гордости.

— Эй, Асгот! — взревел Слагфид, и его голос прокатился по залу, точно раскаты грома, заглушив все остальные звуки. — Кто одержит победу? Что говорят твои руны?

Однако годи проигнорировал первого бойца ярла Харальда, который, возможно, единственный из присутствующих, кроме самого Харальда, позволял себе обращаться к нему подобным образом, и сидел справа от находившегося на возвышении ярла, точно черная туча, грозившая вот-вот пролиться дождем.

— Ты и Асгот — сегодня дерьмовая компания, — сказал Сигурду Свейн.

Он взял гребень из оленьего рога, висевший у него на шее, и провел зубцами по намеку на рыжую бороду, которой невероятно гордился. Сколько раз за свои семнадцать